

Западноевропейское историописание и историческая мысль Классического Средневековья

Период с XI по XIV вв. был для Западной Европы временем поступательного развития, сопровождавшегося важными переменами как в социально-экономической сфере, так и в области культуры. Большую часть X столетия Европа пребывала в глубоком кризисе, вызванном крахом политических и социальных структур каролингской эпохи, а также новыми волнами вторжений извне – викингов, венгров и сарацин. Но примерно с 1000 г., преодолев эти вызовы, латинский Запад вступил в эпоху устойчивого демографического и экономического роста, территориальной экспансии и важных перемен в социальной и культурной сфере. Этот рост продолжался вплоть до кризиса середины XIV в.¹ Все это дает основания рассматривать данный период в качестве особой эпохи, часто обозначаемой как развитое, или классическое, Средневековье.

На интеллектуальный климат Западной Европы со 2-й половины X в. оказывали глубокое влияние два важных процесса: оттоновское возрождение и клюнийская монашеская реформа. Несмотря на все различия в характере этих движений у них была и важная общая черта – стремление к повышению образовательного уровня духовенства, в т. ч. за счет более глубокого изучения античных и раннехристианских авторов. Движение за обновление церковной жизни, зародившееся на территории Западно-Франкского королевства и Лотарингии (наряду с Клюни, крупнейшими центрами реформы были аббатство святого Бенigna в Дижоне и монастырь в Горце, близ Меца), было направлено в первую очередь на укрепление монастырской дисциплины, т. е. более строгое соблюдение бенедиктинского устава, в котором прямо подчеркивалась важность образования и чтения для мо-

¹ См.: Green W.A. Periodization in European and World History // Journal of World History. 1992. Vol. 3. P. 33-34.

нашей жизни. Хотя часть реформаторов с осторожностью относилась к увлечению «светскими» науками и литературой (например, в житии Одона Клунийского приводится история о том, как святой в юности увлекался чтением Вергилия, но однажды во сне увидел его стихи в образе прекрасной вазы, полной ядовитых змей, и больше не брал в руки «языческих» авторов)², многие реформированные монастыри (Флёр, Санкт-Галлен, Райхенау, Бек и др.) были и крупнейшими центрами учености того времени³. Еще более наглядно стремление к изучению классической традиции проявилось в оттоновском возрождении, во время которого произошло (пускай и непродолжительное) оживление интеллектуальной жизни в ряде немецких монастырей и соборов. Важную роль в оттоновском возрождении (как ранее и в каролингском) сыграли ученые, приглашенные со стороны (Ратхер Веронский и Лиутпранд Кремонский из Италии, Бальдерик Утрехтский из Лотарингии и др.).

В результате этих процессов в XI в. в Европе сложился целый ряд монастырских и соборных школ, дававших достаточно глубокие знания не только латинской грамматики, но и классической литературы, богословия, свободных искусств. Наиболее полное воплощение эти тенденции достигли в ходе т. н. «Возрождения XII века», ставшего своеобразным рубежом в духовном развитии европейского общества. По образному выражению М.Л. Гаспарова, «XI век только пробуждал и подготавливал, XIII век будет закреплять, систематизировать и подчас замораживать, XII же век ищет и находит»⁴. Вместе с тем, примечательно, что, несмотря на существенное расширение кругозора европейских интеллектуалов в XII в., «общий фонд» исторических источников в эту эпоху менялся

² Гаспаров М.Л. Латинская литература между империей и папством (X – XI вв.) // Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972. С. 30.

³ Wollasch J. Monasticism: the first wave of reform // The New Cambridge Medieval History. Vol. 3. Cambridge, 1999. P. 163-185.

⁴ Грабарь-Гассек М.Е., Гаспаров М.Л. Время расцвета // Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972. С. 274.

медленно и по сравнению с Ранним Средневековьем не претерпел какой-то грандиозной трансформации. Хотя в XII в. корпус известной на Западе античной литературы существенно расширился за счет новых переводов на латынь некоторых древнегреческих текстов, среди них практических не было памятников историописания⁵. Дело в том, что большинство этих переводов было сделано не напрямую с греческого, а с арабского, а арабы проявляли большой интерес к античным трудам по географии, астрономии, математике, философии, но не к историописанию. В результате, вплоть до эпохи Ренессанса Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий и другие древнегреческие историографы были известны в Западной Европе в лучшем случае по именам и отрывочным упоминаниям у римских авторов (например, Цицерона).

Облик античного историописания на всем протяжении Средних веков определяли латиноязычные авторы. Из их числа, как и в каролингскую эпоху, наиболее известны были Саллюстий, Юстин, Евтропий (чаще, однако, не как самостоятельный текст, а в составе позднейших компиляций: «Римской истории» Павла Диакона и «Смешанной истории» Ландольфа Мудрого), отчасти, Светоний. Что касается таких (с нашей современной точки зрения) корифеев римского историописания как Юлий Цезарь, Тит Ливий, Тацит, Аммиан Марцеллин, то они были малоизвестны или вовсе забыты⁶. При этом, даже самые читаемые и цитируемые историографы далеко уступали по популярности и значимости античным поэтам: Вергилию, Горацию, Овидию, Лукану, Стацию,

⁵ Одним из редчайших исключений, по иронии судьбы, стали псевдоисторические «Деяния Александра» Псевдо-Каллисфена, переведенные на латынь в X в. неким архипресвитером Львом из Неаполя. См.: Die Historia de preliis Alexandri Magni. Synoptische Edition der Rezensionen des Leo Archipresbyter und der interpolierten Fassungen J1, J2, J3 (Buch I und II) / Hrsg. H.J. Bergmeister. Meisenheim, 1975.

⁶ См.: Mortensen L.B. The Texts and Contexts of Ancient Roman History in Twelfth-Century Western Scholarship // The Perception of the Past in Twelfth-Century Europe / Ed. P.Magdalino. London, 1992. P. 99-116.

Ювеналу. В чем же причина такого положения вещей? Однозначный ответ дать сложно: в частности, не стоит полностью сбрасывать со счетов фактор случайностей, связанных с сохранением и ограниченным бытованием того или иного сочинения. Однако общая тенденция прослеживается довольно четко: предпочтение отдавалось сравнительно коротким текстам, интересным как образчики стиля («монографии» Саллюстия или отдельные жизнеописания у Светония) или как более или менее сжатые и стилистически непритязательные собрания основных фактов по истории Древнего мира (эпитомы Юстина, Флора и Евтропия). На это указывает и фантастический взлет популярности начиная со 2-й половины XII столетия трактата «О речах и деяниях знаменитых людей» Валерия Максима – римского автора эпохи Тиберия (известно более 400 полных списков и еще около 200 – в виде фрагментов или пересказов)⁷. В этом произведении мы находим то же стремление к кратким историческим «выжимкам», но уже в виде не хронологически упорядоченного рассказа (как, например, у Евтропия или Флора), а собрания исторических анекдотов, которые было удобно использовать в преподавании, а также в качестве источника всевозможных *exempla* и просто как занимательное чтение. По сравнению с упомянутыми книгами, труды, скажем, Тита Ливия или Тацита, по-видимому, казались большинству средневековых читателей слишком многословными, переполненными малознакомыми, а потому и не слишком интересными для средневековой аудитории именами, названиями, событиями.

Впрочем, одна новая тенденция в рецепции античного наследия все же проявилась в рассматриваемый период: большой популярностью стали пользоваться сочинения псевдоисторического (как мы сейчас знаем) содержания из циклов о Троянской войне и Александре Македонском. Базовыми текстами «троянского» цикла были «О падении Трои» Да-

⁷ См.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 314; Schullian D.M. A Revised List of Manuscripts of Valerius Maximus. Padova, 1981.

рета Фригийского⁸ и «Хроники Троянской войны» Диктиса Критского⁹. Оба этих сочинения приписывались перу непосредственных участников Троянской войны (Дарета – со стороны троянцев, Диктиса – со стороны греков), но в действительности они были созданы в позднеантичную эпоху. Книги Дарета и (в меньшей мере) Диктиса продолжали читать и переписывать на протяжении всех Средних веков, однако начиная с XII в. не меньшей известностью пользовались и собственно средневековые переработки этих сюжетов – на латыни («История разрушения Трои» Гвидо делле Колонна) и национальных языках (самая ранняя – «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора, написанный на англо-нормандском диалекте старофранцузского языка в 3-й четверти XII в.). Интерес к историям троянского цикла вполне объясним: с одной стороны, многие европейские народы претендовали на происхождение от троянцев¹⁰, с другой стороны – Троянская война была переосмыслена в духе идеалов средневекового рыцарства как величайшая война в истории человечества и арена наиболее выдающихся ратных подвигов.

Цикл, посвященный Александру Македонскому, в Средние века был представлен и сравнительно достоверными сочинениями («Эпитомой» Юстина и «Историей Александра» Квинта Курция Руфа), однако наибольшей популярностью пользовались полностью фантастические «Деяния Александра», написанные в III или IV вв. неким Юлием Валерием на основе греческого текста Псевдо-Каллисфена. Вместе с книгой Юлия Валерия часто переписывали не-

⁸ Рус. перевод: Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / пер. с лат. А.Б. Захаровой. СПб., 1997. О бытовании этого сочинения в Средние века: Faivre D'Arcier L. Histoire et géographie d'un mythe: La circulation des manuscrits du "De excidio Troiae" de Darès le Phrygien (VIIIe-XVe siècles). Paris, 2006.

⁹ Ephemerides belli Troiani libri a Lucio Septimo ex Graeco in Latinum sermonem translati / Hrsg. M. Eisenhut. Leipzig, 1973.

¹⁰ См.: Ingledeu F. The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: The Case of Geoffrey of Monmouth's *Historia regum Britanniae* // *Speculum*. 1994. Vol. 69. P. 665-694.

сколько кратких псевдоисторических текстов, посвященных великому завоевателю: «Письмо Александра Птолемею», «Спор Александра с Диндимом», эпитафии Александра и др.¹¹ Как и в случае с троянским циклом, параллельно с античными сочинениями бытовали и тексты, созданные на их основе в Средние века: на латыни (эпическая поэма «Александрейда» Вальтера Шатильонского) и национальных языках (среди наиболее знаменитых – написанный во 2-й половине XII в. на старофранцузском монументальный «Роман об Александре», давший название новому стихотворному метру – александрийскому стиху). Помимо увлекательного сюжета, популярность этих текстов можно объяснить содержащимися в них красочными сведениями о странах и народах Востока, интерес к которым особенно вырос начиная с эпохи Крестовых походов (характерно, что многие детали из сочинений об Александре были использованы в знаменитом «Письме пресвитера Иоанна»¹²).

Важной составляющей «общего фонда» средневекового историописания были сочинения раннехристианских авторов. Их популярность, как и в Раннее Средневековье, во многом определялась т. н. «перечнем Кассиодора»¹³. «История против язычников» Павла Орозия, «Церковная история» Евсевия (в переводе Руфина Аквилейского), «О падении Иерусалима» Псевдо-Гегесиппа (компиляция, основанная главным образом на «Иудейской войне» Иосифа Флавия), хроники Евсевия Кесарийского (в переводе Иеронима Блаженного), Проспера Аквитанского, «Трехчастная история» самого Кассиодора (компиляция трех греческих историков – Сократа, Созомена и Феодорита) пользовались устойчивой известностью в Средние века по всей Западной Европе, являясь авторитетными источниками и образцами соответствующих

¹¹ См.: Carey G. *The Medieval Alexander*. Cambridge, 1956; Ross D.J.A. *Alexander Historiatus: a Guide to Medieval Illustrated Alexander Literature*. London, 1963.

¹² Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes / Ed. C.F. Beckingham and B. Hamilton. Aldershot, 1996.

¹³ О нем см. в предисловии к первому тому Практикума.

жанров. Столь же высокой чести удостоились и несколько сочинений, написанных в первые века после крушения Римской империи, в первую очередь – «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного и хроники Исидора Севильского и того же Беда. Что касается авторов каролингской эпохи, то многие из них (Эйнхард, Павел Диакон, в несколько меньшей мере Адон Вьеннский, Фрекульф из Лизьё) пользовались стабильной известностью, которая, однако, была неодинаковой в разных частях Европы.

В еще большей мере политико-географические факторы влияли на распространение сочинений позднейших авторов (за некоторыми исключениями, о которых ниже). Это вполне объяснимо тем, что вместе с распадом каролингской державы прекратило существование и единое европейское историографическое пространство (насколько этот термин вообще можно использовать применительно к условиям Раннего Средневековья). Оживление интереса к историописанию во 2-й половине X в. происходило уже в условиях складывания самостоятельных региональных (пока еще не национальных) историографических традиций. Сочинения таких авторов, как Видукинд Корвейский и Титмар Мерзебургский в Германии или Флодоард и Аймоин Флёрийский во Франции по сравнению с трудами их предшественников каролингского времени отличались намного более узким географическим охватом. Так, Видукинд и Титмар писали почти исключительно о событиях, происходивших в Восточно-Франкском королевстве, а Флодоард и Аймоин – в землях к западу от Рейна. Трудности, с которыми в то время было сопряжено написание более масштабных исторических полотен, наглядно иллюстрирует «Антаподосис» Лиутпранда Кремонского. Этот труд был задуман автором ни много, ни мало как «деяния императоров и королей всей Европы»¹⁴, однако его содержание почти полностью ограничивается перипетиями современной Лиутпранду итальянской политики. Процесс ре-

¹⁴ Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга от Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / пер. с лат. И.В. Дьяконова. М., 2006. С. 17.

гионализации получил дальнейшее развитие в XII–XIII вв., когда после завершения христианизации стран Скандинавии и Центральной Европы там начали создаваться первые письменные тексты исторического содержания. Наконец, еще больше обособлению отдельных территориальных историографических традиций способствовало написание, начиная с XII–XIII вв., трудов не на общей для всей Западной Европы латыни, а на бурно развивавшихся национальных языках.

Вместе с тем, если перейти от рассмотрения содержания к анализу формы и стилистики исторических текстов эпохи Классического Средневековья, то мы увидим, что в них прослеживается ряд самостоятельных (хотя и взаимосвязанных) традиций историописания, не зависящих от географического фактора. Рассмотрению (разумеется, далеко не исчерпывающему) некоторых из этих традиций будет посвящена оставшаяся часть этой статьи.

Вплоть до середины XII в. в европейском историописании преобладала традиция, которую можно условно назвать «художественно-морализующей»¹⁵. Свое наиболее явное теоретическое обоснование она находила в «Поэтике» Аристотеля, повлиявшей на многих античных авторов, включая Цицерона. Согласно этой точке зрения, история являлась частью риторики (как мы бы сейчас сказали – изящной словесности) и имела двоякую цель: развлекать и назидать. Соответственно, хорошее историческое сочинение должно было быть написано безупречным стилем и преподносить читателю подобающий моральный урок. Истинность рассказа при этом подразумевалась, но была все же делом второстепенным. Стремление к стилистическому совершенству и назидательности порой побуждало хронистов следовать в изложении менее надежным (с современной точки зрения), но зато более выразительным и поучительным источникам.

¹⁵ См.: Southern R.W. Aspects of the European Tradition of Historical Writing: 1. The Classical Tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth // Transactions of the Royal Historical Society, 5th ser. 1970. 21. P. 173-196.

В каролингскую эпоху этот тип историописания наиболее ярко воплотился в жанрах биографии светских правителей (самый яркий пример – «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда) и секулярной политической истории («Истории» Нитхарда). Биографии правителей продолжали создаваться в XI – XII вв. («Жизнеописание короля Роберта» Хельгода Флёрийского, «Деяния императора Конрада» Випона, анонимное «Житие Эдуарда Исповедника», «Жизнь короля Людовика» Сугерия и др.¹⁶), однако более глубокий след на развитие европейского историописания оказал жанр «историй народов» («*origines gentium*»), посвященных происхождению и прошлому отдельных европейских «наций» (в средневековом значении этого понятия)¹⁷. Примечательно, что этот жанр был достаточно распространен в VI–VII вв. («Готская история» Кассиодора, сохранившаяся в пересказе Иордана; «История королей готы, вандалов и свевов» Исидора Севильского; анонимная «Книга истории франков» и др.) но в каролингскую эпоху, проникнутую идеями имперского универсализма, практически исчез (единственное возможное исключение – «История лангобардов» Павла Диакона, которая, впрочем, могла быть задумана как своего рода противовес официальному франкскому историописанию)¹⁸. Напротив, начиная с конца X в. такого рода «национальные» истории начинают создаваться по всей Европе. К числу «первых ласточек» можно отнести написанные в 970-е гг. «Деяния сак-

¹⁶ О развитии биографического жанра в Классическое Средневековье см.: Goodich M. *Biography 1000–1350 // Historiography in the Middle Ages / Ed. D.M. Deliyannis. Leiden, 2003. P. 353–386.*

¹⁷ Об этом жанре см.: Reynolds S. *Medieval "Origines gentium" and the community of the realm // History. 1983. Vol. 68. P. 375–90; Wolfgram H. Le genre de l'Origo gentis // Revue Beige de philologie et d'histoire. 1990. Vol. 68. P. 789–801; Mortensen L.B. Stylistic choice in a reborn genre. The national histories of Widukind of Corvey and Dudo of St. Quentin // Dudone de S. Quintino / Ed. P.G.A. degli'Innocenti. Trento, 1995. P. 77–102.*

¹⁸ Mortensen L.B. *Stylistic choice. P. 82–86.*

сов» Видукинда Корвейского¹⁹ и «Хронику» Этельверда (фрагмент последней включен в Практикум)²⁰. Расцвет жанра пришелся на XI–XII столетия, когда были созданы его ярчайшие образцы: «История герцогов Нормандии» Дудона Сен-Кантенского, «Деяния английских королей» Вильгельма Мальмсберийского, «История англоv» Генриха Хантингдонского, «Деяния князей и правителей польских» Галла Анонима, «Чешская хроника» Козьмы Пражского и др. Примечательно, что наиболее популярным и успешным образчиком этого жанра стало сочинение яркое с точки зрения стиля и содержания, но при этом почти полностью основанное на фантазии своего автора: «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, которая сохранилась более чем в 200 списках²¹.

Вместе с тем, ко 2-й половине XII века традиция «риторического историописания» вступила в явную полосу кризиса. В XIII веке мы находим ее образчики лишь на окраинах христианской ойкумены (один из поздних примеров – «Деяния датчан» Саксона Грамматика, написанные в самом начале XIII в.). Отчасти это объясняется тем, что сочинения в жанре «origo gentis» выполнили свою задачу – заложили фундаменты соответствующих «национальных» историографических традиций, благодаря чему хронистами последующих поколений уже не было нужды углубляться в изучение седой древности. Однако не меньшее значение имел изменившийся интеллектуальный климат и литературные вкусы, требовавшие новых форм историописания.

¹⁹ Русский перевод: Видукинд Корвейский. Деяния саксов = *Res Gestae Saxonicarum* / пер. с лат. Э.Г. Санчука. М., 1975.

²⁰ *The Chronicle of Æthelweard* / Ed. A. Campbell. London, 1962.

²¹ Русский перевод: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. с лат. А.С.Бобовича и С.А.Ошерова. М., 1984. О бытовании книги Гальфрида см.: Crick J.C. *The Historia Regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth: IV. Dissemination and Reception in the Later Middle Ages*. Cambridge, 1991; Reeve M.D. *The Transmission of the Historia Regum Britanniae* // *Journal of Medieval Latin*. 1991. Vol. 1. P. 73-117.

В частности, со 2-й половины XII в. возродился и начал активно развиваться старинный жанр всемирных хроник, практически исчезнувший в каролингскую эпоху. Новый импульс он получил в контексте развития наук квадривиума, в частности, астрономии, одним из аспектов которой была историческая хронология. Другим фактором, способствовавшим популярности этого жанра, особенно в Германии, была борьба империи и папства, актуализировавшая комплекс «имперских» идей (включая восходящее к Ветхому Завету представление о четырех «мировых империях»). К этому направлению относятся хроники ирландца Мариана Скотта (ум. 1082 или 1083 г.), большую часть жизни проведшего в немецких монастырях; Фрутольфа Михельсбергского (ум. 1103 г.) и его продолжателя Эккехарда из Ауры (ум. 1125 г.); Сигеберта из Жамблу (ум. 1112 г.); Хаймона Бамбергского (ум. 1139 г.) и др.

Вместе с тем, развитие школ и связанной с ними схоластической философии ставили перед историей проблему поиска своего места в этой новой системе знания. В этих условиях возникли попытки адаптировать жанр всемирной хроники в педагогических целях. Наиболее удачный опыт подобного рода создал выдающийся французский богослов и философ Гуго Сен-Викторский в своей хронике (написана ок. 1130 г.), задуманной как пособие для толкования Священного Писания (пролог приведен в Практикуме)²². В практическом плане Гуго делал акцент на усвоении фактического материала, подаваемого в виде различных таблиц и перечней (хронологические схемы, списки географических названий и раз-

²² Полностью не издавалась. Пролог опубликован в: Green W.M. Hugo of St Victor's *De Tribus Maximis Circumstantiis Gestorum* // *Speculum*. 1943. Vol. 18. P. 484-493. Другие публикации фрагментов: *Chronica quae dicitur Hugonis de Sancto Victore* // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum*. Bd. 24. Hannover, 1879. S. 88-101; Baron R. Hugues de Saint-Victor lexicographe. *Trois texts inédits* // *Cultura Neolatina*. 1956. Vol. 16. P. 109-145; Mortensen L.B. Hugo of St. Victor on Secular History. A Preliminary Edition of Chapters from his *Chronica* // *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin* (Université de Copenhague). 1992. Vol. 62. P. 3-30.

личных правителей и т.д.). При этом он рекомендовал использовать достаточно развитую систему мнемотехник, основанную, в частности, на специфике визуального восприятия и мысленной репрезентации текста.

Несмотря на сравнительно органиченную известность, которой пользовалась хроника Гуго в Средние века, предложенный им подход нашел блестящее выражение в таких средневековых «бестселлерах», как «Схоластическая история» Петра Коместора (ум. ок. 1178 г.), «Компендиум истории о родословии Христа» Петра из Пуатье (ум. 1205 г.), «Историческое зеркало» Винцента из Бове (ум. ок. 1264 г.), «Хроника пап и императоров» Мартина из Опавы (ум. ок. 1278 г.). Как отмечает Б. Гене, эти сочинения (или, по крайней мере, некоторые из них) имелись «в любой мало-мальски серьезной библиотеке XIV–XV веков»²³. В этих и им подобных трудах уже и речи не было о риторических красотах, а назидательная составляющая была сильно редуцирована. Во главе угла стояло стремление дать читателю практическое пособие по усвоению массива исторических фактов, необходимых для самых разных целей: от богословско-эзегетических до юридических и административных. Надо отметить, что эта традиция оказалась на удивление живучей, сохраняя устойчивую «экологическую нишу» как минимум до конца XVI в. (один из последних ярких примеров – «Пучок времен» Вернера Ролевинка).

Однако в дальней перспективе этот путь развития историописания оказался тупиком. У того же Гуго важное место занимала идея присутствующего в истории Божественного плана, находящего отражение в своеобразном прогрессе человеческого общества. По замечанию М.А. Барга, «в построении Гуго не может не привлечь внимание ... *универсальный* (или даже точнее – *тотальный*) характер процесса исторического развития сообщества людей, поскольку он ох-

²³ Гене Б. Цит. соч. С. 349. См. также: Ikas W.-V. Martinus Polonus' Chronicle of the Popes and Emperors: A Medieval Best-Seller and Its Neglected Influence on Medieval English Chroniclers // English Historical Review. 2001. Vol. 116. P. 327-341.

ватывает не только сферу религии, но и сферу мирского («профанного») знания»²⁴. В дальнейшем эта историософская концепция нашла наиболее полное отражение в «Хронике, или Истории о двух градах» Оттона Фрайзингского (ум. 1158 г.), соединившего традицию германских всемирных хроник с интеллектуальными достижениями северофранцузских школ (включая и сен-викторскую)²⁵. Оттон рассматривал историю как процесс перехода власти (*translatio imperii*) и учености (*translatio studii*) с Востока на Запад – из Ассирии через Грецию и Рим в земли каролингской державы. Полагая, что из-за этих многочисленных «переносов» империя состарилась и одряхлела, Оттон был убежден в близости конца земной истории и даже (уникальный случай для средневековых хроник) поместил в качестве заключительной, 8-й книги своего труда описание Страшного Суда, основанное на «Откровении Иоанна Богослова».

Однако материал, на основании которого историки могли строить подобные конструкции, был чрезвычайно ограничен и, вдобавок, со временем никак не увеличивался. Не случайно, та же «Схоластическая история», созданная на исходе XII столетия и 400 лет спустя пользовалась не меньшим авторитетом и известностью. Более того, сам дух схоластики оказался по своей природе антиисторичен, а потому история в средневековых университетах обречена была на существование прислуги, даже не имеющей собственного угла²⁶.

Более перспективной, в конечном счете, оказалась другая тенденция, также уходящая корнями в XII столетие:

²⁴ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 175. Ср. Southern R.W. Aspects of the European Tradition of Historical Writing: 2 Hugh of St. Victor and the Idea of Historical Development // Transactions of the Royal Historical Society, 5th ser. 1971. 22. P. 159-179.

²⁵ См.: Барг М.А. Цит. соч. С. 178-184; Lavere G.J. "The two cities" of Otto, Bishop of Freising. A study in neo-Augustinian political theory // Augustinian Studies. 1982–1985. Vol. P. 55-65; Schwarzbauer F. *Geschichtszeit. Über Zeitvorstellungen in der Universalchroniken Frutolfs von Michelsberg, Honorius Augustodunensis und Ottos von Freising.* Berlin, 2005.

²⁶ Барг М.А. Цит. соч. С. 188; Гене Б. Цит. соч. С. 29-31.

написание «современной» истории, в особенности, основанной на личном опыте. Напротив, историки предшествующего времени, даже в тех случаях, когда сами являлись свидетелями или участниками описываемых событий, сравнительно неохотно вводили в повествование себя самих. Не исключено, что важную роль в изменении этой ситуации сыграли Крестовые походы. Современники и участники сразу осознали их как уникальное и чрезвычайно важное событие, причастность к которому заслуживала сохранения в памяти потомков. Не случайно именно среди историй об экспедициях в Святую Землю мы находим череду интересных и выразительных историй, рассказанных очевидцами: от неизвестного автора «Деяний франков» до Робера де Клари и Жана Жуанвиля. Необычный пример сочетания интереса к крестоносному движению и автобиографической направленности проявился у Гвиберта Ножанского (ум. ок. 1124 г.), одного из наиболее необычных историков XII в.²⁷

Итак, превалирование «современной» истории, почти всегда политически ангажированной и нередко основанной на собственном опыте, стало характерной чертой европейского историописания, начиная с XIII в. В тех странах Европы, где возобладали центростремительные тенденции, это привело к созданию обширных официальных или квазиофициальных исторических сводов, таких как «Большие французские хроники», «Первая общая испанская хроника» или труды хронистов аббатства Сент-Олбанс в Англии. Отчасти такое смещение акцентов можно объяснить тем, что историографы этого времени уже могли, как правило, опираться на сравнительно прочный фундамент трудов своих предшественников. Немаловажное значение имело и улучшение коммуникаций в Европе, сделавшее возможным более интенсивный обмен информацией. Особенно способствовало этому возникновение новых – централизованных – монашеских орденов: цистерцианского, но в еще большей мере нищенствующих (доминиканцы, францисканцы) и духовно-

²⁷ См.: Fuchs K. Zeichen und Wunder bei Guibert de Nogent. München, 2008.

рыцарских (тамплиеры, иоанниты), члены которых не были связаны требованием постоянного пребывания в одном монастыре (*stabilitas loci*) и по долгу службы часто совершали путешествия, подчас весьма далекие²⁸. В результате, если многие авторы XII в. испытывали заметные трудности при написании современной им истории, то век спустя английский хронист Матвей Парижский, практически не покидавший родного аббатства Сен-Олбанс, все же имел возможность регулярно и достаточно оперативно заносить в свой труд известия из самых разных концов Европы и даже из-за ее пределов (фрагменты трудов Матвея Парижского включены в *Практикум*)²⁹.

Вместе с тем, проникновение в историю устной традиции и акцент на современности вызвали определенное снижение критического чутья. В результате, в исторические сочинения начал все больше проникать материал из эпоса или романа, стирая грань между ними. Отчасти этим может объясняться необычайный успех, который выпал начиная со 2-й половины XII столетия на долю двух псевдоисторических текстов: «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского и «Деяний Карла» Псевдо-Турпина³⁰. Оба эти текста возникли и бытовали в рамках популярнейших циклов, связанных с образами короля Артура и Карла Великого. С этими сочинениями тесно связан еще один новый аспект средневекового историописания – постепенное распространение и умножение произведений на национальных языках – сперва стихотворных, а затем (с XIII в.) и прозаических. Не случайно, в числе наиболее ранних сочинений такого стоят основанные на труде Гальфрида Монмутского «История англос»

²⁸ Бартлетт Р. Становление Европы; Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950 – 1350 гг. М., 2007. С. 280-285.

²⁹ См.: Vaughan R. Matthew Paris. Cambridge, 1958; Gransden A. Historical writing in England. Vol. 1. London, 1974; Harvey P.D.A. The Illustrated Chronicles of Matthew Paris. Observation of Thirteenth-Century Life. Cambridge 1993.

³⁰ См.: Mandach A. de. Naissance et developpement de la chanson de geste en Europe. Vol. 1. Geneve, 1961.

Гаймара и «Роман о Бруте» Васа³¹, а также переводы на старофранцузский «Деяний Карла»³².

Обе эти тенденции – использование устных преданий и переход с латыни на национальные языки – стали логическим следствием неуклонного роста интереса к истории и расширения аудитории исторических сочинений в Европе, начиная с XI в. Новых потребителей сочинений о прошлом – чиновников, рыцарей, горожан – не могли устроить ни написанные на изысканной латыни и предназначенные для ученых клириков памятники «риторического историописания», ни сухие и фактографичные школьные учебники в духе Гуго Сен-Викторского. Им требовались книги написанные простым и понятным языком, но вместе с тем и полные увлекательных историй.

Параллельно с этим рост самосознания различных социальных групп средневекового общества вел к возникновению у них собственных историографических традиций. Так, целый ряд исследователей отмечает, что начиная с конца X – XI вв. начинает складываться феномен «коллективной памяти» влиятельных аристократических родов-линьяжей, отразившийся в составлении различных генеалогических и историографических трудов³³. Первоначально функцию сохранения этой памяти выполняли главным образом бенедиктинские монастыри, которым оказывали покровительство представители этих линияжей. Как отмечает П. Гири, становление структур этой «институциональной памяти» на рубеже X–XI вв. в значительной мере определило позднейшие представле-

³¹ О них см.: Blacker J. The faces of time: portrayal of the past in Old French and Latin historical narrative of the Anglo-Norman regnum. Austin, 1994; Damian-Grint P. The New Historians of the Twelfth-century Renaissance: Inventing Vernacular Authority. Woodbridge, 1999.

³² Spiegel G.M. Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-century France. Berkeley; Los Angeles, 1993.

³³ Shopkow L. Dynastic History // Historiography in the Middle Ages / Ed. D.M. Deliyannis. Leiden, 2003. P. 217-218.

ния об истории Раннего Средневековья³⁴. Постепенно происходил переход от кратких генеалогий к пространным династическим историям, которые со временем распространялись на все более низкие социальные слои. Так, от времени до X в. до нас дошли исключительно родословия королей и императоров, позднее появляются династические истории крупных сеньоров (герцогов Нормандии, графов Анжу, графов Фландрии, герцогов Баварии и т.д.), с конца XII – XIII вв. ими начинают обзаводиться и менее значительные бароны³⁵. По мере развития средневековых городов возникают и специфические городские хроники, хотя вплоть до XV столетия они были редкостью повсюду, кроме Северной Италии³⁶.

Разумеется, этот обзор различных направлений в рамках европейского историописания эпохи Классического Средневековья не претендует на полноту. Вышеописанные тенденции кратко характеризуют лишь часть поистине необъятного массива средневековых исторических текстов. Между тем, на протяжении всего этого периода значительную часть исторических сочинений составляли довольно непритязательные и консервативные по форме сочинения, создававшиеся для вполне приземленных и утилитарных целей: краткие анналы и списки духовных и светских правителей, разного рода синодики, местные истории в форме «деяний аббатов» или хроник-картуляриев. Не случайно, по мнению некоторых исследователей, хроники (особенно монастырские) в средние века могли рассматриваться как разновидность хозяйственных документов, необходимых для упорядочивания все более разрастававшихся архивов и сохранения

³⁴ Geary P. *Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millennium*. Princeton, 1994.

³⁵ Shopkow L. *Op. cit.* P. 224-225.

³⁶ Vasina A. *Medieval Urban Historiography in Western Europe (1100–1500)* // *Historiography in the Middle Ages* / Ed. D.M. Deliyannis. Leiden, 2003. P. 317-352.

институциональной памяти³⁷. Со временем подобные формы фиксации знаний о прошлом оформляются и в светских канцеляриях – королевских или коммунальных. И все же, как напоминает Б. Гене, несмотря на рост числа исторических сочинений, «на заре XIV века на Западе история еще занимала скромное место, даже минимальная историческая культура оставалась уделом ничтожного меньшинства»³⁸. В XV–XVI столетиях, в связи со становлением национальных государств, распространением книгопечатания, ростом грамотности и интенсификацией интеллектуальной жизни Европы положение дел изменилось. Однако эти сюжеты уже выходят за рамки нашего обзора.

Учитывая все многообразие форм и разновидностей исторических сочинений эпохи Классического Средневековья, попытка полностью охватить их в рамках одного небольшого тома была бы заранее обречена на провал. Поэтому неудивительно, что представленные в этом, втором, томе Практикума тексты ни в коей мере не претендуют на репрезентативность. Подборка текстов (в том числе и ее явная «английская» направленность) отражают не сознательный выбор редакторов Практикума, а, скорее, современную историографическую ситуацию в отечественной медиевистике. Настоящее издание является первым в России опытом специализированной подборки текстов по средневековому историописанию и, хочется верить, это начинание получит продолжение. Несмотря на указанные трудности и недостатки, нам все же удалось представить, пускай и фрагментарно, целый ряд специфических для Классического Средневековья исторических жанров: биографии («Житие св. Геральда Орильякского» Одона из Клюни), анналистику (в форме пространной Англосаксонской хроники и кратких заметок на пасхальных таблицах), сочинения в жанре «риторического историописания» (труды Этельверда, Вильгельма Мальмсбе-

³⁷ Harrison J. Cistercian Chronicling in the British Isles // The Chronicle of Melrose Abbey. A Stratigraphic Edition. Vol. 1 / Ed. D.Broun and J.Harrison. Woodbridge, 2007. P. 13-28.

³⁸ Гене Б. Цит. соч. С. 413.

рийского, Вильгельма Ньюбургского), «учебную» историю (хроника Гуго Сен-Викторского), монастырские «всемирные хроники» (сочинения Матвея Парижского и Ранульфа Хигдена), ранние образцы историописания на национальных языках («История англов» Гаймара и «Большая всеобщая история» короля Альфонсо X), наконец, столь характерные для XIV века рыцарские хроники (на примере трудов Томаса Грея и Жана Фруассара). Все тексты снабжены краткими предисловиями, комментарием и дидактическими материалами (библиография и вопросы для обсуждения), выполненными специально для настоящего издания.

С.Г. Мереминский.

Одон Клюнийский

Автор жития Геральда, второй Клюнийский аббат Одон, родился около 879 г. Он воспитывался при дворе герцога Аквитанского Гильома Благочестивого. Во исполнение отцовского обета, Одон становится каноником святого Мартина в Туре, учится у знаменитого Ремигия Оссерского. Далее он монашествует в Боме, потом в Клюни, основанном в 910 г. его воспитателем в миру – Гильомом Аквитанским. Возглавив в 927 г. Клюнийскую обитель, Одон встает на путь духовного реформирования монашества. Он осуществляет преобразования на основе строгого следования Уставу святого Бенедикта в ряде французских и нескольких итальянских монастырях. В марте 931 г. папа Иоанн XI дарует Клюни право брать под свою власть монастыри, в которых аббат осуществляет реформу. Именно Одон – «застрельщик» грядущего величия Клюни, который в ту пору еще ничем не выделяется среди скопища похожих монастырей. Он первый клюнийский святой и первый идеолог клюнийской реформы. Одон воплощает в себе достаточно редкий пример монаха-аскета, погруженного в созерцание и мистическую молитву, но в то же время деятельно стремящегося к улучшению мира вне стен обители. Он умирает 19 ноября 942 г. в Туре, через несколько дней после дня поминовения святого Мартина.

Этические и исторические воззрения Одона остро социальны. Для него (и это становится лейтмотивом почти всех его произведений) противоборство добра и зла, добродетели и греха оборачивается постоянным столкновением слабых и беспомощных с могущественными угнетателями. Именно сильные мира сего составляют, согласно его трактовке, потомство Каина, именно их надменные сердца наиболее доступны для козней дьявола. Так, гордыню могущественной знати он рассматривает в эсхатологической перспективе – как одну из главных причин приближения конца света. Однако Одон не только обличает. Он не оставляет мысли о совершенствовании духовного облика мирян. Поэтому, помимо пылких трактатов и

проповедей, он пишет в 920-х – 930-х гг. житие графа Геральда (856-909), основателя монастыря в Орильяке. Ключонийский аббат Одон, ученый клирик, вынужденный «по факту» узаконивать подозрительного народного святого, неожиданно находит в нем героя, достойного своего пера, единомышленника, судьба и устремления которого неуловимо напоминают его собственную. В результате он создает биографию, в которой детальное «реалистическое» повествование с заметным исповедальным элементом складывается в стройную идейную программу. В одоновском тексте в равной мере прослеживаются отражение зарождающегося раннеключонийского идеала святости, и черты «зеркала» для знатного мирянина. Агиограф рисует образ своеобразного монаха в миру, ведущего целомудренную и благочестивую жизнь в молитве и аскезе. При этом во времена бесконечных междоусобиц, грабежей и самоуправств Геральд оказывается образцом «доброго сеньора», оберегающего подвластных жителей своим разумным управлением, щедрой помощью, милостивым судом, а, если нужно, то и с оружием в руках.

Перевод выполнен по изданию: *Odo Cluniacensis. Vita sancti Geraldi Auriliacensis comitis // Patrologia Latina. T. 133. Col. 639-704.*

Одон Ключонийский Житие святого Геральда, графа Орильякского

Кн. I, 6. Вот представились родители Геральда. И, хотя вся власть перешла в его руки, он не заважничал, не утратил безначальной скромности сердца, как случается с юношами, которые кичатся ранним господством. Сила власти увеличилась, но смиренная душа ничуть не возгордилась. Пришлось Геральду обустроить хозяйство и печься об имуществе, которое он, как мы сказали, по праву наследования получил, и оставить ради горечи забот земных духовную уладу, которую он еще до срока отчасти вкусил. Юноша с грустью расставался с сердечным уединением. Да и впредь, как только получалось, он искал в